

вавшие его поражению. Но и победоносный для советской власти исход гражданской войны не привел к стабилизации общества.

В настоящее время в связи с появлением большого количества ранее не опубликованных архивных материалов и источников личного характера, возможностью их интерпретации с учетом новых методологических концепций встал вопрос о необходимости пересмотреть роль и место антибольшевистского движения в истории гражданской войны. Для формирования нового видения и понимания психологии, сознания, морально-нравственного облика участников «белого» лагеря важно учитывать многоаспектность современной историографии и источниковой базы.

1. Допрос Колчака. Ленинград, 1925. С.141.
2. Флуг В.Е. Отчет о командировке из Добровольческой Армии в Сибирь в 1918 г. // Архив Русской Революции. В 22-х т. М., 1991. Т.9. С.22.
3. Будберг А. Дневник // Архив Русской Революции. Т.13. С.199.
4. Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенция. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. С.13.
5. ГАСО.Ф.1951. Оп.1.Д.5.Л.9.
6. ГАСО.Ф.1951. Оп.1.Д.5.Л.8.
7. Сванлюнг С. Человек и чудовище. Лондон, 1929. С.29.

Силантьев Д.В.
(Екатеринбург)

Историки Урала: коллективный портрет

В 2002 г. увидела свет уникальная энциклопедия «Историки Урала», выпущенная Институтом истории и археологии УрО РАН. В книге собраны биографические материалы почти о 400 ученых-историках, живших и творивших на Урале. Это редкий случай, когда вся информация о профессиональном сообществе собрана в одном месте и легко поддается математическому анализу, дающему возможность составить некий обобщенный портрет. Формат энциклопедической статьи не дает нам возможность детально проанализировать жизнь, быт и основные вехи творчества всех ученых, не все данные можно обработать статистически, но все же некоторые обобщенные черты можно вывести. Как источник информации об ученых-историках энциклопедия имеет определенные особенности – на ее страницы попали только наиболее заметные представители ученого сообщества – энциклопедия это срез верхушки корпорации историков, поэтому мы сознательно не будем касаться данных, которые могут оказаться нерепрезентативны. Данное исследование ставит своей целью не интерпретацию данных, а только их фиксацию.

Любое жизнеописание начинается с информации о времени и месте рождения человека, о том, где он работал и чем занимался. Среднестатистический уральский историк скорее всего проживает в Свердловской (36%) или Пермской (15%) областях. Наименее вероятно появления историков в Кургане – там проживает только 3% служащих КЛИО всего региона. Если рассматривать энциклопедию, как определенный этап в жизни ученого, которого необходимо достигнуть, то на Урале его преодолевают в среднем в 56 лет.

По имеющимся в энциклопедии данным, проще всего отслеживать, чем занимался человек в течение своей научной карьеры. На Урале историки, что неудивительно, в основном специализируются на отечественной истории, таковых набралось более 70%, еще примерно 16% занимаются различными историческими дисциплинами и только небольшая оставшаяся часть историей зарубежных стран. Если взглянуть на то, изучением какого времени занимаются историки, то можно будет заметить, что, скорее всего, это Новейшее время (40%), а может Новое или Средние века (по 20%), еще 10% историков посвятили себя археологии, то есть древнейшим временам. Хотя, следует признать, что эта картина меняется с течением времени. Если взглянуть, на темы кандидатских диссертаций, то заметно, что превалирование новейшей истории и истории КПСС в 1970-80-е гг. было заметно ущемлено в 1990-е Новой историей. В те же годы выросло внимание к этнографии и источниковедению. При этом пристрастие к тому или иному периоду в истории часто зависит от региона. В Кургане больше всего специалистов по Новой истории, в Тюмени больше, чем в других регионах, удельный вес специалистов по Средним векам. В Удмуртии и Башкирии много этнографов, в Свердловской области немного больше, чем в других субъектах, археологов, в Челябинской и Оренбургской было защищено больше диссертаций по истории КПСС.

Скорее всего, уральский историк защищал свою кандидатскую в 1980-е, по крайней мере, так сделали 110 человек из 358 защитившихся и отмеченных в энциклопедии, а докторскую в 1990-е - 86 человек из 193.

При этом 40% всех упомянутых в энциклопедии лиц являются профессорами, еще 22% доцентами. При чем выше всего удельный вес докторов наук среди тюменских историков (более 80%), а ниже всего среди пермских и удмуртских (около 40%). А вот профессоров больше всего среди пермяков, а меньше среди южноуральцев – челябинцев и оренбуржцев.

Наличие международных связей – тот показатель, который очень сложно правильно оценить по данным энциклопедии. Судя по ней, у историков Оренбурга их практически нет, а вот в Свердловской области и Удмуртии они развиты совсем неплохо – в той или иной мере их поддерживает каждый третий.

«Охота к перемене мест», то есть смена места работы на другой регион, также сильно разнится. Если в Кургане и Тюмени приедем является каждый второй, то подавляющее большинство челябинских и башкирских

ученых закончили ВУЗ и работают в одном и том же городе. В Свердловской и Пермской областях количество приезжих также невелико (около 10%), а вот в Удмуртии и Оренбурге их уже больше 20%.

Нарисовать коллективный портрет задача не простая и статистическая обработка данных энциклопедии это только первый шаг в решении проблемы. Даже первичный анализ полученной информации способен привести к интересным выводам, которые охарактеризуют как развитие исторической науки на Урале в целом, так и в отдельных регионах.

**Соколова Е.С.
(Екатеринбург)**

**“Мои лицейские досуги...”: государственная политика
в сфере образования дворянства
(на примере пушкинского выпуска
Императорского Царскосельского Лицея)**

Проблема эффективности высшего и среднего профессионального образования является сегодня одной из самых обсуждаемых сторон научной и педагогической деятельности. Полное соответствие поставленных дидактических целей ожидаемому социальному результату можно расценивать лишь как идеальную модель мониторинга, возможность воплощения которой зависит от таких субъективных факторов, как личность преподавателя и индивидуальность ученика. Не последнюю роль в образовательных процессах играют особенности исторической эпохи, духовная атмосфера общества и позиция государственных структур по отношению к просвещению. Любопытным примером разрыва между возможным и должным является опыт открытия в 1811 г. Императорского Царскосельского Лицея, который обогатил Россию не только крупными государственными чиновниками, дипломатами, военными, но и подарил ей блистательного А.С. Пушкина.

С 50-х гг. XIX в. в отечественной историографии Лицей традиционно характеризовался как учебное заведение с ярко выраженным литературно-филологическим направлением. Романтизация «лицейской старины» возникла, во многом, благодаря трудам академика Я.К. Грота, который, будучи бывшим лицеистом VI выпуска, собрал обширный материал о пушкинском курсе. Культурное значение Лицея Грот видел прежде всего в том, что «первым блестящим плодом его воспитания был юноша, вовсе не годившийся для службы и однако же более всего прославивший это заведение». Грот считал, что имя Пушкина спасло Лицей от духовного падения в пору 20-х гг. XIX в., когда он должен был по прихоти Николая I превратиться в «рассадник министерств и гвардии». Для Грота Лицей являлся лучшим из закрытых учебных заведений императорской России отнюдь не потому, что там при-